

**КОНФЛИКТ НОВГОРОДА
СО ШВЕЦИЕЙ В 1337—1339 гг.**

Борьба Новгородского государства со Швецией началась в середине XII в. и длилась с тех пор более полутора столетий.¹ Новгород, занимавший в XII в. господствующее положение на берегах Финского залива, выступил против начавшейся в 1150-е гг. шведской феодальной агрессии, ставившей целью завоевание и покорение прибалтийско-финских племен, живших в пространстве между Швецией и Русью — финнов, карел, ижоры, води. В XII в. шведским рыцарям удалось завоевать землю финского племени сумь, жившего в юго-западной Финляндии. В первой половине XIII в. шведские рыцари попытались захватить землю племени ижора — берега Невы, но были разбиты в 1240 г. новгородским князем Александром Невским; зато в 1249/50 гг. шведам удалось захватить землю племени емь, жившего в центральной части южной Финляндии. В конце XIII в. Шведское государство стало развертывать агрессивные действия против лежавших далее на восток карельских земель, а в 1300 г. вновь пыталось захватить Ижорскую землю с берегами Невы, но вновь здесь потерпело поражение от новгородцев.

Наиболее острая борьба завязалась на территории карел. В то время карелы жили на большом пространстве Карельского перешейка, северного Приладожья, современной восточной Финляндии до реки Кюмийоки, и владели землями, уходившими на север до Белого моря и Ботнического залива. Но основная часть карельского населения была сосредоточена на Карельском перешейке и в северном Приладожье — на территории, называвшейся с конца XIII в. «Карельская земля». Карелы (как и ижора, и водь, и емь до 1250 г.) находились по крайней мере с XI в. под властью древней Руси, с XII в. — под властью Новгородской республики; но все эти племена в составе новгородских владений обладали большой внутрен-

¹ См.: Шаскольский И. П. 1) Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII—XIII вв. Л., 1978; 2) Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV в. Л., 1987; 3) Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии. Конец XIII—начало XIV в. Петрозаводск, 1987.

ней автономией. Карелы, как наиболее сильное племя, играли крупную роль в ходе борьбы против шведской агрессии, выступая в составе новгородских военных сил.

Внутри карельского общества в конце XIII—первых десятилетиях XIV в. стал разворачиваться процесс перехода от племенного строя к классовому, феодальному обществу; по ряду известных источников на основной карельской территории — в Корельской земле — прослеживается процесс формирования феодального землевладения. Карельская племенная знать стала превращаться в класс феодалов.² Вероятно, с этим связаны появляющиеся в 1260—1270-е гг. признаки впервые возникшего обострения политических отношений карел с Новгородом. Видимо, часть карельской знати стала тяготиться зависимостью от Новгорода, и в 1278 г. князю Дмитрию Александровичу пришлось военным путем восстанавливать новгородскую власть в какой-то части Корельской земли; скорее всего, это происходило в западных карельских погостах, прилегавших к Финскому заливу и шведским владениям и подвергавшихся влиянию со стороны шведов.

В 1293 г. началось шведское завоевание Корельской земли; были захвачены западнокарельские погосты и основан замок Выборг, ставший главной базой для шведской агрессии против новгородских владений. Началась длительная борьба Новгородского государства со Швецией за Корельскую, Ижорскую и Водскую земли, фактически началась война, затянувшаяся на 30 лет. Это была самая крупная и длительная из войн, которые вел Новгород, включая в себя походы, набеги, осады крепостей. Война истощала силы обеих сторон. В условиях весьма трудной внутренней и международной обстановки, в период наибольшего развития феодальной раздробленности на Руси и продолжающегося татарского ига новгородцы, поддержанные населением основных русских княжеств, сумели остановить вражескую агрессию, сохранить в русском владении берега Невы и важнейший для нашей страны выход к морю. Однако изгнать шведских завоевателей из западной части Карельского перешейка, несмотря на все приложенные

² Подробнее см.: *Saskol'skij I. P., Zerbin A. S. Särdrag i feodalismens utveckling i Karelen // Hist. tidskrift för Finland. 1978. Hf. 3. S. 259—269; Жербин А. С., Шаскольский И. П. Особенности развития феодализма в Карелии (XI—XV века) // История СССР, 1982. № 4. С. 132—141; см. также: История Карелии с древнейших времен до середины XVIII в. Петрозаводск, 1952. С. 54—59; Очерки истории Карелии. Петрозаводск, 1957. Т. 1. С. 62—64; Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 22—27.*

усилия, не удалось. Пришлось искать компромисс, заключать мирный договор.

В крепости Ореховец (Орешек) на Неве в 1323 г. был заключен первый официальный мирный договор Новгородского государства со Швецией, договор о «вечном мире», содержащий урегулирование основных спорных вопросов. Установленная договором граница разделила Корельскую землю на две части: западные карельские погосты с Выборгом (западная половина Карельского перешейка) остались за Швецией, восточная половина Карельского перешейка и северное Приладсжье, основная населенная часть Корельской земли с ее центром, городом Корелой, сохранилась в составе Новгородских владений.³

Прекращение длившихся 30 лет военных действий, установление «вечного мира» было важно для обеих сторон, уставших от войны. И в целом Ореховецкий договор сыграл важную роль в системе отношений Руси и Швеции, и вплоть до конца XVI в. считался действующим мирным соглашением, определявшим отношения двух стран. В первые полтора десятилетия условия договора соблюдались.

Однако длившаяся 170 лет экспансия на восток со шведской стороны накопила определенную инерцию и не могла остановиться сразу. В 1330-е и 1340-е гг. еще дважды делались попытки возобновления экспансии, попытки захвата Корельской и Ижорской земель. В первом случае, видимо, сыграло роль то обстоятельство, что в Шведском государстве еще отсутствовала централизация власти и шведская администрация в пограничном Выборгском лене имела возможность совершать военно-политические акции по своей воле, не согласуя их с правительством.

Новгородские власти провели меры по дальнейшему укреплению своих пограничных владений. В 1333 г. в результате предварительных сношений с литовским князем Гедимином его сын Наримонт был приглашен на службу в Новгород и получил в вотчину новгородские пограничные крепости и их земли: Ладогу, Орешек, Корелу и половину Копорья.⁴ Наримонт просидел в своей вотчине 5 лет и затем уехал обратно в Литву. Но с тех пор новгородцы неоднократно приглашали на «кормление» в свои пригороды литовских служилых князей

³Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода... С. 85—141.

⁴Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941. С. 79—81; Jaakkola J. Suomen sydänkeskiaika. Porvoo, 1944. S. 29; Бернадский В. Н. Новгород и новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961. С. 211—212.

из рода Гедимины. По-видимому, литовские князья приезжали в свою новгородскую вотчину с литовской дружиной, и это имело важное практическое значение для Новгорода, не имевшего постоянного войска; служилый князь со своей дружиной кормился за счет каких-то поборов с населения подчиненных ему новгородских пограничных земель.⁵

Однако, как мы дальше увидим, первый опыт приглашения литовского князя на новгородскую службу не дал ожидаемых результатов; как раз тогда, когда от Наримонта потребовались практические действия против врага, вторгшегося в новгородские владения в 1337—1338 гг., он находился у себя на родине в Литве, не внял многократным призывам новгородских властей срочно прибыть в Новгород и возглавить военные действия и даже отозвал к себе оставшегося в Орешке своего сына Александра, предоставив новгородцам самим выпутываться из создавшегося положения.⁶

А ситуация в 1337—1338 гг. оказалась довольно сложной. В 1337 г. Новгород вступил в конфликт с великим князем Иваном Даниловичем (являвшимся одновременно и князем новгородским). Иван Калита послал московское войско в Заволочье с целью захватить это наиболее важное новгородское периферийное владение. Новгородцам удалось отстоять Заволочье,⁷ но отношения с великим князем остались напряженными. И как раз в этом же году начался конфликт на шведском рубеже, и Новгород не мог рассчитывать на военную поддержку великого князя.

К 1337 г., очевидно, вновь и в последний раз возникли какие-то трения между населением Карельской земли (видимо, в основном — жившим на Карельском перешейке) и Новгородом. Скорее всего, надо говорить даже не обо всем карельском населении, а о феодализирующемся карельском нобилитете — карельских «валитах», впервые появляющихся на страницах письменных источников. Как установлено рядом исследователей (А. И. Попов, И. И. Миккола, Э. Кууйо и др.), карельское слово *valittu* — избранный, выбранный — применялось к карельским нобилем, выборным представителям племенной знати, в XIV в. уже находившейся в процессе феодализации. Сло-

⁵ Бернадский В. Н. Новгород и Приладожская Карелия в XII—XV вв. // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им А. И. Герцена. 1941. Т. 89. С. 194—198.

⁶ Материалы по истории Карелии... С. 82.

⁷ НПЛ. С. 347—348.

во «валит» затем упоминается и в других русских источниках, и в карельской топонимике.⁸

Первый известный нам валит («Валит корелянин») сыграл какую-то не совсем ясную, но крупную роль в событиях 1337 г.

О событиях 1337 г. сохранились сведения только в русских источниках,⁹ причем наиболее полную информацию дает Софийская I летопись; известие Новгородской I летописи (обычно являющейся нашим главным источником) на этот раз почему-то гораздо короче и менее конкретно. Из обоих источников можно заключить, что между какой-то частью карельских жителей города Корелы и пограничными шведскими властями за-

⁸ Mikkola J. J. *Hämärän ja sarastuksen ajoilta*. Porvoo; Helsinki, 1939. S. 57—60; Попов А. И. Валит // Сов. финно-угроведение. Петрозаводск, 1949. Вып. 5. С. 132—138; Бернадский В. Н. Новгород и новгородская земля... С. 157—158; Кушю Е. Valittu // *Karjalainen elemäkerrasto*. Porvoo, 1961. S. 1—6; Жербин А. С., Шаскольский И. П. Особенности развития феодализма... С. 134—135.

⁹ События 1337—1339 гг. рассматриваются в работах: Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. СПб., 1909. Т. 1 С. 132—135; Ленстрем К. О мирных договорах между Россией и Швецией в XIV столетии // Учен. зап. Казанского ун-та. 1855. Кн. 2. С. 24—29; Rein G. *Föreläsningar öfver Finlands historia*. Helsingfors, 1870. Bd 1. S. 173—174; Yrjö-Koskinen G. Z. *Finnische Geschichte* Leipzig, 1874. S. 52—53; Rydberg O. S. *Sverges traktater med främmande magter*. Stockholm, 1883. Bd 2. S. 16—17; Jaakkola J. 1) *Kuningas Maunu Eerikinpojan unionipolitiikasta ynnä sen aikaisista pohjoismais-saksalais-balttilais — venäläisistä suhteista vuoteen 1348 ja Itämaan synnystä*. Helsinki, 1928. S. 193—201, 219—238; 2) *Suomen sydänkeskiaika*. S. 29—32; Mikkola J. J. *Hämärän ja sarastuksen ajoilta*. S. 56—60; Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941. С. 159—163; Летописные известия о карелах / Комментар. Р. Б. Мюллер // Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941. С. 81—84; Aminoff T. *Mellan svärdet och kroksabeln*. Malmö, 1943. S. 113—117; Hornborg E. *Finlands hävder*. Helsingfors, 1944. Bd 1. S. 273—174; Kirkinen H. *Karjala idän kulttuuripiirissä*. Helsinki, 1963. S. 142—144; Gallén J.: 1) *Kring en historia om de novgorodska Karelen* // *Hist. tidskrift för Finland*. 1964. S. 62; 2) *Den heliga Birgitta och Karelen* // *Ibid.* 1966. S. 7—9, 12; Kumlien K. *Historiekrivning och kungadöme i svensk medeltid*. Stockholm, 1979. S. 165; Koskivirta A. V. *Linnanpäälliköt-Viipurin valtiolliset vaiheet Pankinasaaren rauhan jälkeen* // *Viipurin kaupungin historia*. Lappeenranta, 1982. Bd 1. S. 60, 70; Кирпичников А. Н.: 1) Историко-археологическое исследование древней Карелы: («Карельский город» XIV в.) // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 57—59; 2) Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984. С. 127—128; 3) Некоторые проблемы изучения славяно-финских межэтнических и культурных связей в эпоху средневековья // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1987. С. 94—95; Lind J. *Omkring de svensk-russiske förhandlingar 1537, 1339-traktaten og Ndeborgsfreden* // *Hist. tidskrift för Finland*. 1985. Hf. 1. S. 15—22; Кочкуркина С. И. Карела и Русь. Л., 1986. С. 115—116.

велись в 1337 г. тайные сношения. Новг. I летопись сообщает под 1337 г., что «корела, подведше немец, побиша Русь новгородцев много и ладожан гостии и кто жил крестьян в Кореле»,¹⁰ т. е. какие-то карелы, задумав выступить против новгородской власти, привели к себе в Корелу «свейских немцев» и подняли в городе восстание против русских. Соф. I летопись приписывает инициативу Валиту корелянину, и из сообщения этой летописи буквально вытекает, что сначала к Кореле подошло шведское войско, а затем городской воевода Валит вступил в сношения со шведами и впустил их в город.¹¹ Более вероятно следующее из текста Новг. I летописи представление о том, что сношения жителей Корелы со шведами начались еще до начала военных действий или во всяком случае до подхода шведских войск к Кореле; шведский поход на Корелу на этот раз явно был предпринят потому, что шведские власти в пограничном Выборгском лене¹² получили сведения о возникновении антиновгородских настроений в городе Кореле и начали свой поход в расчете на то, что при подходе к городу шведские войска получат поддержку изнутри крепости, от корельских горожан (или от какой-то части корельских горожан).¹³

В чем были причины антиновгородских настроений, возникших к лету 1337 г. в Кореле (а может быть, и в окрестной местности), установить довольно трудно. С. С. Гадзяцкий, писавший свои работы на заре развития советской науки о феодализме и стремившийся отыскать, где возможно, следы классовой борьбы, рассматривал события 1337 г. в Кореле (как и аналогичные события 1314 г.), как крестьянское восстание, как классовое выступление карельских крестьян про-

¹⁰ НПЛ. С. 348.

¹¹ «Приидоша немци к Корельскому городу с многою силою. Бяше в городе тогда воевода Валит корелянин, и доспе Валит перевет с немци, и предал город немцам» (Софийская I летопись // ПСРЛ. 1851. Т. 5. С. 221).

¹² Хотя в летописных статьях 1337—1338 гг. при описании военных событий ни разу не упоминается Выборг, совершенно очевидно, что здесь подразумевается пограничный с Корельской землей Выборгский лен (губерния), т. е. Западная Карелия, уступленная по Ореховецкому миру Швеции, и что поход на Корелу был организован из административного центра этой губернии — из Выборга, где были сосредоточены военные силы губернии.

¹³ Иначе было бы непонятно, почему после 14 лет мирных отношений со шведской стороны вдруг решили нарушить официально утвержденный «вечный мир» между двумя государствами ради военной операции, хотя и имеющей местное значение, но способной вновь вызвать большую войну и уничтожить плоды с таким трудом достигнутого мира.

тив новгородских, карельских и шведских феодалов.¹⁴ Однако эта догадка основывается только на том, что, по данным летописи, восставшие «побиша русь новгородцев много и ладожан гости и кто жил крестьян в Кореле»;¹⁵ С. С. Гадзяцкий считал, что поскольку христианство было религией господствующего класса, а в среде карельского крестьянства, по более поздним данным, еще в XVI в. сохранились языческие верования, то, следовательно, восстание носило антифеодальный характер.¹⁶ В действительности, в летописном тексте достаточно ясно отразился политический, а не социальный характер восстания.¹⁷ Восставшие явно направили острие своего выступления против русских, живших или временно оказавшихся в городе Кореле («ладожан гости»), а также, видимо, и против той части карел, которая продолжала поддерживать новгородцев.¹⁸ По сведениям Соф. I летописи, активную роль в выступлении сыграл карельский воевода Валит, представитель ка-

¹⁴ Гадзяцкий С. С.: 1) Карелы и Карелия в новгородское время. Петрозаводск, 1941. С. 159—163, 166; 2) Предисл. к кн.: Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. С. 20—22; см. также: Очерки истории Карелии. Петрозаводск, 1957. Вып. 1. С. 73—74.

¹⁵ НПЛ. С. 348.

¹⁶ Далее в Новг. I летописи (с. 348) сообщается, что «немцы» и восставшие затем «побежали в немецкий городок» (т. е. в пограничный Выборг) «и потом много посекоша крестьян из немецкого городка». Поскольку христианство было религией господствующего класса и у «свейских немцев», этот текст, по мнению Гадзяцкого, доказывает, что восстание охватило и карельское крестьянство Выборгского лена, тоже восставшее там против своих феодалов, носителей христианской (католической) религии. На самом деле новгородский летописец никогда не называл католиков христианами; и в данном тексте под «крестянами» подразумеваются русские и новгородские карелы и сообщается лишь, что военные силы «из немецкого городка» Выборга после отступления из-под Корелы еще вели в течение какого-то времени военные действия и убили многих новгородцев: под «крестянами» и в данном случае подразумеваются не шведы, а те же новгородцы (и, вероятно, оставшиеся верными новгородской власти карелы).

¹⁷ Не ссылаясь прямо на Гадзяцкого, Л. В. Черепнин уже давно высказал сомнение в правильности его концепции об антифеодальном характере восстания карел в 1337 г. (Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960. С. 542).

¹⁸ Перечислив тех, против кого было направлено восстание («и побиша русь новгородцев много и ладожан гости»), новгородский летописец упоминает «и кто жил крестьян в Кореле»; это явно не русские (их уже перечислили), следовательно, это могут быть лишь карелы (и возможно, что восстание было направлено против русского христианства и проходило под лозунгом восстановления карельского язычества).

рельской феодализирующей знати.¹⁹ Видимо, по каким-то неясным для нас причинам в городе Кореле (а может быть, и в окрестных погостах Корельской земли) возникло недовольство новгородской властью,²⁰ охватившее и верхи (воевода Валит), и низы карельского населения и приведшее к восстанию и к вступлению в связь со шведами.

Шведским военным властям из Выборга удалось ненадолго воспользоваться восстанием в Кореле, посланный ими отряд захватил город; по словам летописца, после того как воевода Валит «предал город немцам», т. е. открыл ворота Корелы подошедшему из Выборга отряду шведов, «немцы же начаша городом владети».²¹ Однако Корела недолго оставалась шведской.

Новгородское правительство, помня шведские нападения на русские земли 1293, 1295, 1300, 1314 и 1322 гг., особенно попытки захвата Корелы, предпринимавшиеся в 1295, 1314 и 1322 гг., на этот раз стало действовать быстро и решительно: по-видимому, стало известно о политическом брожении в среде населения Корелы, что делало новую шведскую попытку захвата города весьма опасной. Вероятно, в Новгороде были быстро и энергично собраны значительные военные формирования (дружина, ополчение), и новгородцы «съ всюю силою своею»²² 3 июля 1337 г. подошли к городу.²³ Очевидно, Корела

¹⁹ Участие Валита в выступлении опровергает догадку Гадзяцкого об антифеодальном характере восстания; ведь для карельских крестьян их классовые противники — прежде всего собственная феодализирующая знать; см. также: Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства. С. 542.

²⁰ По мнению Р. Б. Мюллер, недовольство карельского населения было вызвано притеснениями управляющего Корельской землей (и другими новгородскими пограничными пригородами) Александра, сына служилого князя литовца Наримонта (Летописные известия о карелах / Комментар. Р. Б. Мюллер. С. 82. Схожое мнение: Yrjö-Koskinen G. Z. Finnische Geschichte. S. 52 —53; Lindeqvist K. O. Suomen historia. Helsinki, 1926. S. 753; Очерки истории Карелии. С. 73). Предположение это допустимо, но не вытекает прямо из источников. Притом Александр как наместник Наримонта жил в Орешке, управлял также Ладогой и Копорьем, но восстание произошло почему-то в наиболее отдаленной (и, казалось бы, наименее подверженной его притеснениям) Кореле.

²¹ Софийская I летопись. С. 220.

²² Этим выражением летописец как бы подчеркивает отличие от событий 1293 г. (основание шведами Выборга), 1295 и 1314 гг. (шведские попытки захвата Корелы), 1300 г. (основание Ландскроны), когда из Новгорода не сразу и не в достаточном количестве высылались войска для изгнания захватчиков.

²³ «Новгородьци же, уведавши, съ всюю силою своею сташа под городом июля в 3 день» (Софийская I летопись).

была сразу окружена и блокирована,²⁴ и через 5 дней, 8 июля новгородцы пошли на приступ.

Судя по данным летописи, воевода Валит (увидев, наверное, что соотношение сил явно сложилось в пользу весьма значительного новгородского войска и что тем самым исход сражения заранее можно предугадать) вновь изменил свою политическую позицию и, видимо, еще накануне дня штурма вступил в тайные сношения с новгородским командованием.²⁵

8 июля вскоре после начала штурма Валит открыто перешел на сторону новгородцев и открыл им крепостные ворота; к полудню город был взят.²⁶ По данным Соф. I летописи, часть шведских воинов полегла в бою, других взяли в плен и казнили; о судьбе карел, перешедших на сторону шведов, Соф. I летопись не сообщает.²⁷ Иную информацию о судьбе шведов и выступивших против Новгорода карел дает Новг. I летопись, где говорится, что противники новгородцев (шведы, или карелы, или те и другие — из текста не ясно) «сами побежали в немецкий городок», т. е. спаслись бегством в Выборг. Скорее всего, истина — где-то посередине: при взятии Корелы часть шведов и выступивших против Новгорода карел была перебита во время сражения или взята в плен и казнена, часть их — успела бежать в шведские владения.

Возвращение Корелы под власть Новгорода было главным военно-политическим результатом событий 1337 г. После недолговременного периода антиновгородских волнений в среде местного населения в Кореле и Корельской земле²⁸ была вновь утверждена новгородская власть, и с тех пор источники боль-

²⁴ В 1330-е гг. город Корела, по имеющимся данным, уже находился (с 1310 г.) на острове, где и сейчас находится старая городская крепость (детинец). Имелся ли в Кореле уже тогда неукрепленный посад (за пределами крепости) — неизвестно, археологических следов его не обнаружено. Площадь корельского детинца невелика (Кирпичников А. Н. Каменные крепости... С. 126), соответственно не могло быть велико и число жителей.

²⁵ По-видимому, так надо понимать слова Соф. I летописи: «В осьмый же день приступиша к городу, и Валит доспе перевет к новгородцем».

²⁶ «Новгородци же взяша свой город июля в 8 в полъдни». Здесь подчеркивается, что новгородцы взяли свой город.

²⁷ Возможно, здесь летописец ошибается, и после взятия Корелы казни подверглись не «немцы», а свои подданные, карелы, с оружием выступившие против Новгорода.

²⁸ При этом, из текста летописей не ясно, охватывали ли волнения только население города Корелы, или же и население Корельской земли (т. е. крестьянство окрестных погостов). Вполне допустимо первое предположение — это выступление только горожан, какой-то группы жившей в городе карельской знати во главе с Валитом, которые по каким-то причинам в 1337 г. оказались недовольны новгородской властью.

ше не сообщают ни о каких политических трениях между карелами и русскими на основной карельской территории.

Однако на этом военные действия в пограничных областях еще не закончились. Новг. I летопись под 1337 и следующим 1338 г. дает не вполне ясные сведения о продолжающихся вооруженных столкновениях. Под 1337 г. сообщается, что шведы из Выборга «много посекоша крестьян»,²⁹ т. е. убили многих русских подданных.³⁰ Под 1338 г. говорится, что «немце с корелюю»³¹ много воевали по Обонежью (т. е. за пределами Корельской земли, на Олонецком перешейке и к северу от него), а затем совершили набег на город Ладогу, сожгли городскую посад, но не смогли взять городскую крепость (с X в. имевшую прочные каменные стены). Шведские «немцы» из «городка» (Выборга) совершили также нападение через Финский залив³² на лежавший вблизи устья Луги Толдожский погост, а оттуда намеревались двинуться в глубь Водской земли.³³ О шведском нападении стало известно в административном центре Водской земли — в Копорье, и копорьяне во главе с Федором Васильевичем (видимо, копорским воеводой) сразу выступили против шведского отряда, нанесли ему поражение и изгнали обратно за море.³⁴

Таким образом, после неудачного похода на Корелу в 1337 г. и 1338 г. со шведской стороны были совершены по нескольким направлениям нападения на новгородские владения. Шведские отряды сделали попытки захвата Ладоги и части

²⁹ «Крестьянами», как уже говорилось выше, по всей видимости, летопись называет русских и карел, православных; католики с точки зрения русского летописца XIV в. (как правило, клирика) не были христианами. Поэтому Гадзяцкий напрасно предполагает, что здесь подразумеваются шведские феодалы в Выборге, «посеченные» восставшими карельскими крестьянами (Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия. С. 160).

³⁰ Выражение Новг. I летописи «и потом много посекоша крестьян из немецкого городка», по нашему мнению, означает, что жители «немецкого» города Выборга совершали нападения на русские владения и убили многих русских и карел.

³¹ Подразумеваются ли здесь карелы из города Корелы, восставшие в 1337 г. против русской власти, после возвращения Корелы новгородцами и бежавшие вместе со шведами в шведские владения и затем ставшие воевать на стороне шведов? Или же подразумеваются жители Западной Карелии, отошедшей по Ореховецкому миру к Швеции? Из источников это не ясно.

³² Возможно, что нападение происходило зимой, через лед Финского залива.

³³ Яккола (Jaakkola J. Kuningas Maunu... S. 200—221) считает этот поход ответом со шведской стороны на поход новгородских «молодцов» в окрестности Выборга (о чем мы говорим ниже).

³⁴ НПЛ. С. 349; Софийская I летопись. С. 221.

Водской земли, в других же местах занимались просто разорением русской территории.

Шведские набеги, проводившиеся в течение двух лет, вызвали ответные действия с новгородской стороны. По свидетельству Новг. I летописи, «молодцы новгородские» ходили в поход со своими воеводами³⁵ и «воеваша городецкую корелу немечкую», т. е. территорию принадлежавшей шведам западной Карелии, находившейся в административном подчинении «немецкого» города Выборга.³⁶ Поход носил характер типичной для того времени карательной экспедиции, новгородцы уже не вспоминали, что западная Карелия была 45 лет тому назад новгородским владением и действовали там, как на вражеской земле.³⁷

Поскольку Швеция находилась в унии с Норвегией (имела общего короля Магнуса Эриксона), с новгородской стороны в том же 1338 г. был совершен набег и на норвежские пограничные селения на полярном побережье, в Финмаркене. Возможно, этот набег совершался из Подвinya.³⁸

Вооруженные столкновения 1337—1338 гг. нашли отражение в договоре Любека и Готланда с Новгородом от 17 мая 1338 г., в котором предусматривается возможность войны между Новгородом и Швецией.³⁹

Новгородское правительство уже весной 1338 г. сделало попытку вступить в дипломатические сношения со шведской администрацией Выборгского лена, чтобы прекратить вооруженные столкновения и восстановить мир. По данным летописи, новгородские бояре с посадником Федором во главе езд-

³⁵Поскольку, как специально отмечает Новг. I летопись, поход проходил под руководством воевод (видимо, из числа бояр, но не особенно знатных, так как летопись их не называет по именам), это был не просто личный набег ушкульников, а предприятие, организованное и контролируемое новгородским правительством.

³⁶ По-видимому, лежавшую на Карельском перешейке юго-восточную часть западной Карелии, недалеко от Выборга, поскольку в летописи не говорится, что военные операции затрагивали Выборг.

³⁷«Потом же ходиша молодци новгородстеи с воеводами и воеваша городецкую корелу немечкую, и много попустошиша земли их и обилье пожгоша и скот иссекоша, и придоша вси здрави с полоном» (НПЛ. С. 348—349).

³⁸ *Islandske annaler* / Ed. G. Storm. Christiania, 1888. S. 154, 399.

³⁹ ГВНиП. № 40; в договоре предусматривается, что в случае войны между Новгородом и Швецией немецкие купцы могут спокойно продолжать торговлю (*Rydberg O. S. Sverges traktater... Bd 2. S. 16*).

ли на Неву к Ореховцу и оттуда отправили гонцов⁴⁰ к Выборгскому фогту (управлявшему Выборгским леном) Стену, но не добились успеха.⁴¹

Упомянутый в новгородской летописи «воевода Стен» — это, очевидно, Стен Турессон Бьелке, значащийся в одном документе 1339 г. как Выборгский фогт.⁴² До него Выборгским фогтом со времени Ореховецкого мира был участник Ореховецких переговоров Петер Юнссон (Ионссон),⁴³ упоминающийся в качестве Выборгского фогта в шведских документах 1324 г.⁴⁴ и 1336 г.⁴⁵

Поскольку в Новгородской летописи имя Стена в качестве Выборгского «воеводы» (т. е. фогта) названо в записи 1338 г. и из летописного текста видно, что Стен не был склонен к мирному урегулированию возникшего в 1337 г. пограничного конфликта, можно заключить, что Стен был к тому времени достаточно глубоко втянут в этот конфликт, играл в нем важную или главную роль и не мог или не хотел из него выпутаться (вероятно, еще надеясь на достижение военных успехов при продолжении борьбы с Новгородом). А следовательно, хотя дата назначения Стена Турессона на должность Выборгского фогта вместо Петра Юнссона нам неизвестна, можно полагать, что это произошло в конце 1336 или 1337 г. и весь русско-шведский вооруженный конфликт 1337—1338 гг. с самого начала проходил при участии (и, видимо, при ведущем участии) Стена Турессона, недавно принявшего ответственный пост пограничного фогта и ввязавшегося в открытую военнополитическую борьбу с русским соседом, не заботясь о необходимости соблюдения условий заключенного недавно (в 1323 г.) его правительством договора о «вечном мире».

Подобная трактовка роли Стена Турессона в событиях 1337—1338 гг., по-видимому, подтверждается сведениями летописи от конца 1338 г. В это время в Выборге появляется «воевода Петрик», очевидно, все тот же Петер Юнссон, и вы-

⁴⁰ В Новг. I летописи (с. 348): «съсылающаго послы с воеводою немечкымъ съ Стенемъ»; в действительности, по дипломатическим рангам это были гонцы.

⁴¹ «И не бысть миру, нъ тако възвратишася новгородци в Новъгородъ» (там же).

⁴² Finlands medeltidsurkunder. Helsingfors, 1910, Bd 1, № 443; См. также: Rydberg O. S. Sverges traktater... Bd 2. S. 16; Aminoff T. Mellan svärdet... S. 115; Lind J. Omkring de svensk-russiske forhandlingar... S. 18.

⁴³ «Петр Юншин» русского текста Ореховецкого договора — третий полс с шведской стороны во время переговоров 1323 г.

⁴⁴ Finlands medeltidsurkunder. Bd 1, № 813.

⁴⁵ Ibid. № 443.

стует от имени шведской стороны в сношениях с Новгородом для урегулирования конфликта.

Мы не можем предполагать, что Петер Юнссон был вновь прислан на должность фогта вместо Стена Турессона — как уже говорилось, по данным документа 1339 г., Стен и после 1338 г. оставался выборгским фогтом. Скорее можно думать, что сведения о разрастающемся военном конфликте на русской границе дошли до короля Магнуса и его правительства, не готовых в тот момент к разрыву с таким трудом достигнутого «вечного мира» и к началу большой войны с Русью, и было принято разумное решение прекратить конфликт и восстановить мир; с таким правительственным заданием в Выборг был послан Петер Юнссон как чиновник, благодаря своему 14—15-летнему пребыванию в должности выборгского фогта наиболее компетентный в вопросах пограничных отношений с Русью. Видимо, он был послан с единовременным чрезвычайным поручением от имени правительства и Стен обязан был ему подчиниться.⁴⁶

К тому времени — к концу 1338 г. — военно-политическая обстановка определенно изменилась в пользу Новгородского государства,⁴⁷ отбившего все нападения шведской стороны и предпринявшего собственные активные действия на территории противника.

Петер Юнссон отправил из Выборга в Новгород послов для мирных переговоров⁴⁸ и возложил всю вину за «розмирье» на «воеводу» Стена, заявив, что военные действия «подеял Стень воевода о своем уме» и что «князь свейский»⁴⁹ того не

⁴⁶ Gallen предположил (Gallén J. Den heliga Birgitta... S. 7), что Стен Турессон и Петер Юнссон находились в Выборге одновременно, первый — в качестве выборгского фогта, второй — в должности коменданта замка. Но в таком случае непонятно, почему политика каждого из них была столь различна и почему Петер Юнссон допустил в 1337 г. самовольные и нарушившие государственные интересы Швеции действия Стена Турессона. Скорее всего, в Выборге был один начальник (фогт, он же комендант замка), им был Стен, а Петер Юнссон отсутствовал в 1337 г. и был специально прислан в 1338 г.

⁴⁷ Jaakkola J. Kuningas Maunu... S. 221. По мнению этого автора, направление Петра Юнссона для урегулирования конфликта оказалось удачным еще и потому, что его знали (по Ореховецким переговорам) в Новгороде, о чем говорит упоминание его имени в летописи, в Новгороде он пользовался авторитетом (S. 223).

⁴⁸ «Той же зимы» (НПЛ. С. 349), т. е. той же зимой 1338 г.

⁴⁹ Т. е. шведский король (Магнус Эриксон).

ведает, что учинилося розмирье с Новымъгородом». ⁵⁰ Из Новгорода для завершения мирных переговоров были отправлены в Выборг два видных боярина, Кузьма Твердиславич и Александр Борисович. В результате переговоров были восстановлены мирные отношения между новгородскими и шведскими властями на основе условий Ореховецкого мирного договора. ⁵¹

Из летописного текста ⁵² можно предположить, что в результате переговоров был составлен письменный документ, повторяющий условия Ореховецкого договора. ⁵³ Однако в Выборге оказались решенными не все спорные вопросы, и было постановлено продолжить переговоры на более высоком уровне — со шведским правительством.

О нерешенных вопросах в летописи сказано глухо: они кажутся «кобылицкой корелы». Однако были и другие спорные вопросы, о которых бегло упоминается при изложении следующих переговоров.

Что такое «кобылицкая корела», стало ясно уже первому исследователю этой темы А. И. Гиппингу: в писцовой книге Водской пятины 1500 г. упоминается в Келтушском погосте (вблизи современного нам поселка Токсово) группа селений, носящих название «на Кобылицах». ⁵⁴ Правда, Келтушский

⁵⁰ НПЛ. С. 349; Бернадский В. Н. Новгород и Приладожская Карелия. С. 193—194. Весьма вероятно, что это не просто дипломатическая уловка (не попытка свалить вину за возникновение конфликта на местного чиновника, не согласовавшего свои действия с правительством), а признание реального факта. При отсутствии сильной центральной власти в Швеции управлявший большой пограничной областью фогт мог проявить своеволие и действовать иногда самостоятельно, без ведома правительства. Видимо, Стен действительно ввязался в конфликт с Русью, не сообщив об этом правительству.

⁵¹ «доконцаше по тому миру, что докончали с великим князем Юрьем в Нева (т. е. по Ореховецкому договору. — И. Ш.)» (НПЛ. С. 349).

⁵² Там же.

⁵³ Так, в частности, считают: Гиппинг А. И. (Нева и Ниеншанц. С. 134); Мюллер Р. Б. (Коммент. к «Летописным известиям о карелах». С. 83); Гадзяцкий С. С. (Карелы и Карелия... С. 162); и др. Выражение летописи о том, что новгородские послы из Выборга «привезоша мир», скорее всего означает, что послы действительно привезли с собой нечто вещественное, т. е. письменный документ о возобновлении мира, а не лишь данное на словах обещание восстановить действие прежнего мирного договора.

⁵⁴ «Деревня Варягово на Кобылицах», «деревня Кучково Вяколово на Кобылицах» и др. — всего более 10 селений (Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. С. 200; Ronimus J. W. Novgorodin vatjalaisen viidenneksen verokirja v. 1500 ja Karjalainen silloinen asutus. Joensuu, 1906. S. 32—33; Jaakkola J. Kuningas Maunu... S. 222—226, 236—237; Mikkola J. J. Hämarän ja sarastuksen ajoilta. S. 56; Летописные известия о карелах / Коммент. Р. Б. Мюллер. С. 83; Гадзяцкий С. С. Карелы и Карелия... С. 162; Kirkinen H. Karjala idän kulttuuripiirissä. Helsinki, 1963. S. 143; Lind J. Omkring de svenske-russiske orhandlingar... S. 16—17).

погост в 1500 г. — это не Корельский, а Ореховецкий уезд, т. е. не Корельская земля, а Ижорская. Но, поскольку ижора и карелы — ближайшие родственники (племя ижора прямо происходит от карел), в XIV в. часть Келтушского погоста могла еще принадлежать к Корельской земле и иметь карельское население. Видимо, кобылицкие карелы имели прямое отношение к антиновгородским волнениям, происшедшим в 1337 г.; возможно, после возвращения новгородскими войсками города Корелы и подавления волнений кобылицкие карелы бежали в шведские владения,⁵⁵ и во время переговоров в Выборге в 1338 г. новгородские послы стали требовать возвращения их как новгородских подданных, но шведские власти в Выборге отказались выполнить это требование и решение вопроса было перенесено на следующий этап переговоров.⁵⁶

В 1339 г., в соответствии с договоренностью, принятой во время переговоров в Выборге, из Новгорода были отправлены послы к шведскому королю для окончательного разрешения всех спорных вопросов. О действиях этих послов нам известно тоже только из русских летописей.⁵⁷ К королю Магнусу Эриксону было отправлено весьма представительное посоль-

⁵⁵ Было высказано мнение, что кобылицкие карелы были главными участниками антиновгородского восстания, носившего и антифеодальный характер (Очерки истории Карелии. Вып. 1. С. 73). Но это лишь догадка.

⁵⁶ Я. Яккола (Jaakkola J.: 1) *Kuningas Maunu... S. 236—237*; 2) *Suomen sydänkeskiäika. S. 31—32*) предложил другое толкование, поддержанное позднее Т. Аминовым (Aminoff T. *Mellan svärdet... S. 116*). Согласно этому мнению, шведскому гарнизону Выборга во время военных действий 1337—1338 гг., видимо, удалось захватить землю «кобылицкой карелы», рассматриваемую расширительно как все пространство Келтушского погоста и вообще как вся территория южной части Карельского перешейка от шведской границы до правого берега Невы; тем самым вновь была сделана попытка осуществить давний шведский план захвата Невы, по крайней мере ее северного берега. Во время выборгских переговоров шведская сторона, по этой версии, решительно настаивала на сохранении за собой земли «кобылицкой карелы» — южной части Карельского перешейка до Невы, и этот вопрос не смог быть разрешен в Выборге и перенесен на следующий этап переговоров (когда шведам пришлось примириться с невозможностью удержать оспариваемую территорию). Мнение это основано на перенапряжении сведений источников, в которых «кобылицкая карела» упоминается всего раз и очень глухо. В действительности, Келтушский погост был лишь частью территории Ижорской земли, лежавшей к северу от Невы; севернее Келтушского погоста были расположены прилегавшие к шведской границе Корбосельский и Куйвошский погосты. Больше того, по данным писцевой книги 1500 г. (более ранних сведений у нас нет), территория Келтушского погоста не доходила до северного берега Невы. Предположение Якколы и Аминова, явно преувеличивающее успехи шведов во время конфликта 1337—1338 гг., не может быть доказано данными источниками.

⁵⁷ НПЛ. С. 350; Софийская I летопись. С. 221.

ство⁵⁸ — видные бояре Кузьма Твердиславич и Александр Борисович («с други», т. е. с другими боярами) как представители светского руководства Новгорода и племянник новгородского владыки Матфей как представитель высшей церковной власти. Короля Магнуса Эриксона (являвшегося одновременно королем и Швеции, и Норвегии, находившихся в личной унии) новгородские послы застали в «Мурманской земли» — в Норвегии, в городе «Людовли», по-видимому, в городе Лёдесе на норвежской границе.⁵⁹

Результаты переговоров нам известны лишь в самых общих чертах из краткого сообщения летописи. Главный результат — «и докончаша миръ по старым грамотамъ»; во время Выборгских переговоров предшествовавшего года уже было достигнуто принципиальное согласие о восстановлении условий Ореховецкого мирного договора, и это соглашение теперь было подтверждено самим королем; «старые грамоты» — это,

⁵⁸ Это был единственный в истории Новгорода случай, когда переговоры велись непосредственно с самим шведским королем, поэтому нужно было отправить особенно знатных и влиятельных послов. Кроме этого случая новгородские послы вели переговоры непосредственно с королем только еще один раз — в 1251 г. с королем Норвегии Хаконом Старым (**Шаскольский И. П.** Пособство Александра Невского в Норвегию // *Вопр. истории*, 1945. № 1. С. 112—116).

⁵⁹ Вслед за Н. М. Карамзиным (*История государства Российского*, СПб., 1842. Т. 4. С. 145) почти все русские авторы отождествляли город «Людовль» с Лундом (**Гиппинг А. И.** Нева и Ниеншанц. С. 290; **Гадзяцкий С. С.** Карелы и Карелия. С. 162; *Летописные известия о корелях* / *Коммент.* Р. Б. Мюллер. С. 84, и др.). Но город Лунд никогда не принадлежал Норвегии, он являлся тогда центром датской области Сконе. Из норвежских городов наиболее вероятным оказалось идентифицировать «Людовль» с Лёдесе (Lødböse), городом, лежащим на шведском берегу пограничной реки Гота-Эльв, на самой границе с Норвегией (потому новгородские послы могли решить, что это уже территория Норвегии); так полагают шведские и финские ученые (**Hildebrand В. Е.** Om Nöteborgska freden och Sveriges grans med Ryssland fran ar 1323 till början of 17-de arhundradet // *Kungl. Vitterhets-Historie och Antiquitetens Akademiens Handlingar*, Stockholm, 1852. Bd. 20. S. 188; **Rydberg O. S.** Sverges traktater... Bd 2. S. 17; **Jaakkola J.** Kuningas Maunu... S. 232; **Aminoff T.** Mellan svärdet... S. 117; **Kirkinen H.** Karjala idän kulttuuripiirissä. S. 143; **Lind J.** Omkring de svenske-russiske forhandlingar... S. 19, etc.). См. также: **Ленстрем К.** О мирных договорах... С. 26). Время переговоров устанавливается по данным о передвижении короля Магнуса по стране в 1339 г.; выясняется, что Магнус был около норвежской границы в конце лета. Поскольку король 23 августа был в замке Бохус, а 8 сентября уже в Хельсингборге, Рюдберг предполагает, что русские послы могли встретиться с королем в Лёдесе в промежутке между этими двумя датами (**Rydberg O. S.** Sverges traktater... Bd 2. S. 17).

разумеется, Ореховецкие договорные грамоты 1323 г.⁶⁰

Но были и какие-то спорные вопросы, выходявшие за рамки условий Ореховецкого договора, вопросы, которые не смогли урегулировать участники переговоров в Выборге. Как мы помним, в летописной записи о переговорах 1338 г. говорилось лишь, что нерешенным остался вопрос о «кобылицкой кореле». Судя по записи, в ходе переговоров 1339 г. рассматривался вопрос вообще о карелах-перебежчиках, переходящих границу как в шведские, так и в русские владения. Подразумевались ли в числе карел-перебежчиков и «кобылицкие» карелы — из летописного текста не ясно.

Вопрос о карелах-перебежчиках был решен с суровостью, типичной для средневековья: «а про корилу тако ркоша: аще к вам наши бежат, секите их или вешайте, или ваши к нам, мы же тако им створим, дажь не польстят промежу нами».⁶¹ Создается впечатление, что виновниками происшедшего конфликта обе стороны сочли карел-перебежчиков и решили принять против них суровые меры, чтобы избежать в будущем возникновения новых конфликтов.⁶²

Что это были за перебежчики, почему они бежали? Ореховецкий договор разрезал Корельскую землю на две части по живому телу; очевидно, и после заключения договора продолжались происходившие нередко и ранее переселения карел-крестьян из восточных карельских погостов в западные и в обратную сторону. Стало играть роль и происшедшее, по-видимому, увеличение давления государственной администрации и в шведской, и в русской частях Корельской земли. Но прежде всего, вероятно, подразумевались перебежчики 1337 г. из города Корелы и его окрестностей, бежавшие в шведские владения после вторжения шведского отряда, попытавшегося в 1337 г. захватить Корелу.

Отдельно в летописной записи, передающей содержание соглашения, говорится о какой-то особой группе перебежчиков, которых отказываются выдать, поскольку они «крещены суть в нашу веру». Поскольку все карелы еще более чем за сто лет (в 1227 г.) были уже обращены в православие, здесь, скорее всего, говорится о какой-то группе новгородских подданных —

⁶⁰ Возможно, выражение «старые грамоты» во множественном числе подразумевало не только Ореховецкую грамоту 1323 г., но уже и договорную грамоту, составленную в Выборге в предшествующем 1338 г.

⁶¹ НПЛ. С. 350.

⁶² Приведенное выше выражение летописи (после слов о необходимости казнить перебежчиков с обеих сторон) «дажь не польстят промежу нами», видимо, надо понимать: чтобы они не вызывали раздоров между нами.

карел, перебежавших к шведам и принявшим в недавнее время католичество⁶³; при этом добавляется, что их и так осталось очень немного.⁶⁴ И поскольку этот текст явно излагает позицию шведской стороны, то и предшествующий текст о необходимости казнить перебежчиков с обеих сторон, скорее всего, тоже излагает предложение шведов («а про корилу тако ркоша» — про корелу так сказали они, т. е. шведы)⁶⁵, принятое обеими сторонами.

Допустимо предположение, что группа карел-перебежчиков, которые приняли католицизм и которых шведы отказываются выдать — это и были «кобылицкие» карелы, о которых стороны не смогли договориться в предыдущем году в Выборге.⁶⁶ Но это только предположение.

Таким образом, в результате урегулирования конфликта 1337—1338 г. было, по-видимому, заключено два новых договора, Выборгский предварительный 1338 г. и окончательный, составленный в Лёдесе в 1339 г.,⁶⁷ оба соглашения подтверждали условия Ореховецкого договора 1323 г., но договор 1339 г. имел несколько добавочных статей, посвященных частным вопросам текущих пограничных отношений двух государств. Видимо, были составлены и сохранялись в последующее время, но не дошли до наших дней договорные грамоты

⁶³ Таково же мнение Галлена (Gallén J.: 1) *Kring en historia...* S. 62; 2) *Den heliga Birgitta och Karelen.* S. 8). Напротив, Киркинен считал, что речь идет о выборгских карелах, бежавших на Русь и принявших православие (Kirkinen H. *Karjalaidän Kulttuuripiirissa.* S. 143), что менее вероятно.

⁶⁴ Весьма возможно, что это и были карелы, участвовавшие в антирусских волнениях в Кореле в 1337 г. (Гадзяцкий С. С. *Карелы и Карелия.* С. 163).

⁶⁵ По мнению Рюдберга, здесь излагается позиция русской стороны, речь идет о карелах, крещенных в «греческую веру» (Rydberg O. S. *Sverges traktater...* Bd 2. S. 17), что явно невозможно — карелы крещены в православие в XIII в.

⁶⁶ В таком случае надо думать, что из района «Кобылицкой корелы» бежала в шведские владения какая-то группа населения, целиком ставшая на сторону шведов и принявшая католичество.

⁶⁷ Мнение о существовании двух договоров, 1338 г. и 1339 г. высказала и И. Фридлендер (Fridlaender I. *De medeltida svenskryska fredstraktaterna 1323—1513 // Hist. tidskrift.* 1946. Hf. 2. S. 126, 128). О. С. Рюдберг же полагал, что был заключен только один письменный договор — в 1339 г. в Лёдесе, а, следовательно, в Выборге были проведены лишь предварительные переговоры без письменного соглашения (Rydberg O. S. *Sverges traktater...* Bd 2. № 237; в издании Рюдберга отмечены не только сохранившиеся договоры, но и те международные соглашения Швеции, о которых известно из других источников; договору 1339 г. отведен свой хронологический номер и подробный комментарий с изложением всех сохранившихся сведений).

1338 г. и 1339 г. Следы одной из этих грамот обнаруживаются в документации русско-шведских переговоров 1537 г. и в описи Царского архива XVI в.

В сохранившейся в Стокгольмском архиве реляции шведских послов о переговорах с Россией 1537 г.⁶⁸ сообщается, что в Новгороде русские представители на переговорах долго не могли найти в архиве текст Ореховецкого договора 1323 г. и показывали послам текст какого-то другого старинного договора, очень мало отличавшегося по содержанию от Ореховецкого договора. Предъявленный шведским послам документ (как и Ореховецкий договор) не имел даты в своем тексте, в нем упоминались заключившие договор монархи — Mans Hanson i Rydzeland (Монс Хансон в Руси) и шведский король Магнус Эриксон. Еще Б. Э. Хильдебранд⁶⁹ латинифицировал имя Mans как неверно понятое переписчиками латинское выражение «(rex) magnus»⁷⁰ — великий король; следовавшее первоначально далее имя монарха «Hans» переписчики приняли за имя отца монарха и передали в шведской форме отчества — «Hanson». В действительности, здесь подразумевается «великий король» (великий князь) Иван, т. е. Иван Данилович Калита.⁷¹ Следовательно, в 1537 г. в Новгороде хранился какой-то написанный на латинском языке⁷² русско-шведский договор времени правления Ивана Калиты (1328—1341), т. е., скорее всего, — договор 1339 г. (или 1338 г.). Русские источники подтверждают эти сведения. Из Описи Царского архива XVI в. мы узнаем, что хранившиеся в Новгороде оба русско-шведских договора XIV столетия в том же 1537 г., очевидно,

⁶⁸ Arwidsson A. J. Handlingar till upplysning af Finlands hafder Stockholm, 1856. Bd 8. S. 18—31; Rydberg O. S. Sverges traktater... Stockholm, 1877. Bd 1. S. 479—480.

⁶⁹ Hildebrand B. E., 1) Om Nöteborgska... S. 186—188; 2) Комментар. в кн.: Svenskt diplomatarium. Stockholm, 1850. Bd 3, del 2. S. 615. См. также: Ленстрем К. О мирных договорах... С. 28-29.

⁷⁰ Латинскому имени «Магнус» соответствует шведское имя «Монс» (Магнуса Эриксона по-шведски называли Mans Frichson).

⁷¹ См. также: Rydberg O. S. Sverges traktater... Bd 1. S. 479; Bd 2. S. 15; Jaakkola J. Kuningas Maunu... S. 228—229; Lind J. Omkring de svenske-russiske forhandlingar... S. 3—4. И. Фридлиндер считала данное мнение ошибочным и предположила, что в посольском отчете речь идет об изготовленном ранее шведской стороной подложном тексте договора (Fridlaender I. De medeltida... S. 126, 128), но она не знала, что о существовании в 1537 г. в Новгороде договора короля Магнуса и великого князя Ивана Даниловича сообщает и русский источник.

⁷² Текст договора 1339 г. был явно написан на латинском языке, отсюда ошибка послов, прочитавших латинское «rex magnus» как имя собственное. См.: Lind J. Omkring de svenske-russiske forhandlingar... S. 15, 22.

вскоре по окончании переговоров со шведскими послами, были вывезены в Москву; в описи Царского архива (70-е гг. XVI в.) упоминаются хранящиеся там «грамота князь Юрьева с Магнушем» (Ореховецкий договор) и грамота «великого князя Ивана Даниловича с Магнушем»,⁷³ т. е. тот же документ, о котором говорится в реляции шведских послов, видимо, договор 1338 г. или 1339 г.; к сожалению, он не сохранился до наших дней.⁷⁴

Таким образом, вооруженный конфликт на русско-шведской границе в 1337—1339 гг. не перерос в большую войну между соседними государствами, сторонам удалось урегулировать конфликт и прийти к соглашению о восстановлении status quo. Со шведской стороны конфликт был начат местной администрацией пограничного Выборгского лена, не обладавшей достаточными силами для крупных завоевательных акций; военные операции шведов получили отпор с новгородской стороны. Шведское правительство, не собиравшееся в то время предпринимать войну на восточной границе, дезавуировало действия своей пограничной администрации и пошло на восстановление мирных отношений с восточным соседом.

⁷³ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1860. С. 27; см. также: Шаскольский И. П. Судьба государственного архива Великого Новгорода // ВИД. Л., 1972. Вып. 4. С. 217; Зимин А. А. Государственный архив России XVI столетия. М., 1978. С. 259—260. Lind J. Omkring de svenske-russiske forhandlingar... S. 6—10.

⁷⁴ В более поздних описях того же архива обе договорные грамоты (1323 и 1338/39 гг.) уже не упоминаются. По-видимому, вместе со многими ранними материалами архива они погибли в Смутное время или во время московского пожара 1626 г. (см.: Гальцов В. И. Архив Посольского приказа во второй половине XVI — начале XVII в. // АЕ. 1981. М., 1982. С. 138). По мнению П. Линда, договор этот никогда не был ратифицирован и не вступил в законную силу. Судя по данным летописи, переговоры со шведским королем проходили в конце лета 1339 г., осенью того же года произошел конфликт новгородцев с Иваном Калитой из-за размера дани. Зимой князь вызвал из Новгорода своих наместников и вскоре затем умер; предполагается, что в подобной обстановке князь не стал бы делать шаги в интересах Новгорода и ратифицировать договор. Предполагается также, что, поскольку договор не был ратифицирован, шведские послы в 1537 г. отказались его признать и не стали его копировать, и потому текст договора никогда не попадал в шведские архивы (Lind J. Omkring de svenske-russiske forhandlingar... S. 20—22). Но все это только гипотезы.